

Г. В. Плехановъ.

Отъ обороны къ нападенію.

Отвѣтъ г. А. Богданову, критика итальянскаго
синдикализма и другія статьи.

Мы никогда не должны оставаться
на оборонительной позиціи, а всегда
переходить къ нападенію.

Вильгельмъ Либкнехтъ.

Складъ изданія: Москва, Моховая, домъ Бенкендорфъ,
книжный магазинъ А. Д. Друтманъ.

[1910]

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

Предисловіе	3
-----------------------	---

I.

Ф и л о с о ф і я .

Отвѣтъ г. А. Богданову:	
Письмо первое	9
Письмо второе	32
Письмо третье	70
Трусливый идеализмъ	111
Ари Бергсонъ	147
О книгѣ г. В. Шулятикова	153
О книгѣ г. Л. Робинсона	158
Юсифъ Дицгень	162
О книгѣ Гольцапфеля	179

II.

Р е л и г і я .

О религіи	185
Еще о религіи	224
О книгѣ Ф. Лютгенау	266
О брошюрѣ А. Паннекука	277
О книгѣ М. Гюйо	282

III.

П у б л и ц и с т и к а .

Критика теоріи и прантики синдинализма:

Аргуро Лабріола	291
Энрико Леона и Иваное Бономи	353

II

О книгѣ А. О. Оливетти	421
Г. В. Черновъ и Поль Луи	426
О книгѣ Н. Критской и Н. Лебедева.	432
Борьба рабочихъ за политическую свободу въ Англии.	440
Мангеймъ.	447
Почему нѣтъ социализма въ Соединенныхъ Штатахъ?	468
Двадцатипятилѣтіе смерти Маркса.	472
Элизе Реклю, какъ теоретикъ анархизма.	486
Анархистъ-индивидуалистъ.	517

IV.

Л и т е р а т у р а .

Сынъ доктора Стокмана.	527
Идеологія мѣщанина нашего времени	549
П. А. Чаадаевъ	637
„Исторія Молодой Россіи“.	659
О книгѣ Д. В. Философова	665

рецензію, замѣтимъ, что въ своей интуитивной философіи Бергсонъ дѣлаетъ двѣ огромныхъ ошибки.

Во-первыхъ, попытка взглянуть на процессъ возникновенія дѣйствительности съ его внутренней стороны заранѣе осуждена на жестокую неудачу: ничего, кромѣ густого мистическаго тумана, изъ нея никогда не выходило и выйти не можетъ. Почему? На это отвѣтилъ еще Спиноза 23-й теоремой второй части своей „*Этики*“¹⁾.

Во-вторыхъ, процессъ становленія, о которомъ такъ много говоритъ Бергсонъ, понимается имъ крайне односторонне: *въ немъ совершенно отсутствуетъ элементъ тубытія*. Этимъ, конечно, облегчается „разложеніе матеріальнаго міра въ простой потокъ“, на которомъ настаиваетъ Бергсонъ въ интересахъ своего мистическаго идеализма, но этимъ самымъ *діалектика превращается въ простую софистику*, какъ это ясно видно уже изъ исторіи греческой философіи.

Бергсонъ симпатизируетъ *Плотину*. Иначе и быть не можетъ. Это вполне естественно. Но что Бергсономъ увлекаются нѣкоторые теоретики французскаго синдикализма, это — одно изъ самыхъ забавныхъ недоразумѣній, какія только знаетъ богатая недоразумѣніями исторія философской мысли. И это недоразумѣніе показываетъ, на какомъ низкомъ теоретическомъ уровнѣ сидитъ мысль теоретиковъ французскаго синдикализма: *ниже упасть невозможно!*

О книгѣ г. В. Шулятикова²⁾.

В. Шулятиковъ. Оправданіе капитализма въ западно-европейской философіи. (Отъ Декарта до Маха). „Московское книгоиздательство“. Москва, 1908.

Г. В. Шулятиковъ пишетъ: „Въ интеллигентскихъ кругахъ установилось традиціонное отношеніе къ философіи: на послѣднюю смотрятъ, какъ на своего рода *Privatsache*, какъ на нѣчто такое, что составляетъ область индивидуальнаго благоусмотрѣнія, индивидуальныхъ оцѣнокъ, индивидуальнаго творчества. Утверждаютъ, что расхожденіе, даже самое коренное, въ философскихъ вопросахъ, отнюдь не должно свидѣтельствовать о наличности социальныхъ антагонизмовъ. Философскія идеи представляются слишкомъ мало и слишкомъ слабо связанными съ какой бы то не было классовой подпочвой. И защита опредѣленной классовой

¹⁾ *Примѣчаніе къ настоящему изданію*. „Душа познаетъ саму себя лишь постольку, поскольку она воспринимаетъ идеи испытываемыхъ тѣломъ впечатлѣній“. („*Этика*“, ч. II., стр. 84).

²⁾ „Современный Миръ“, май, 1909.

позиціи не обусловливаетъ поэтому, согласно общераспространенному взгляду, симпатій къ опредѣленной философской школѣ. Напротивъ, въ данномъ случаѣ, допускается (sic!) широкая свобода выбора“ (стр. 5). Того же взгляда, по словамъ автора, придерживаются и весьма многіе марксисты.

„Они убѣждены, что въ рядахъ пролетарскаго авангарда допустимо пестрое разнообразіе философскихъ воззрѣній; что не имѣетъ большого значенія, исповѣдуютъ ли идеологи пролетариата матеріализмъ или энергетикку, неокантіанство или махизмъ. Предполагается, что философія—вещь очень невинная“. (стр. 5).

Г. В. Шулятиковъ рѣшительно отрицаетъ „невинность“ философіи. Онъ думаетъ, что убѣжденіе въ ея „невинности“ составляетъ наивную и очень прискорбную ошибку. „Философія не составляетъ счастливаго исключенія, — говоритъ онъ; — на умозрительныхъ „высотахъ“ буржуазія остается вѣрна себѣ. Она говоритъ не о чемъ иномъ, какъ о своихъ ближайшихъ классовыхъ выгодахъ и стремленіяхъ, но говоритъ очень своеобразнымъ, труднопонимаемымъ языкомъ. Всѣ безъ остатка философскіе термины и формулы, съ которыми она оперируетъ, всѣ эти „понятія“, „идеи“, „воззрѣнія“, „представленія“, „чувства“, всѣ эти „абсолюты“, „вещи въ себѣ“, „ноумены“, „феномены“, „субстанціи“, „модусы“, „атттрибуты“, „субъекты“, „объекты“, всѣ эти „духи“, „матеріальные элементы“, „силы“, „энергіи“ служатъ ей для обозначенія общественныхъ классовъ, группъ, ячеекъ и ихъ взаимоотношеній. Имѣя дѣло съ философской системой того или другого буржуазнаго мыслителя, мы имѣемъ дѣло съ картиной классоваго строенія общества, нарисованной помощью условныхъ знаковъ и воспроизводящей социальное profession de foi извѣстной буржуазной группы“. (стр. 6).

Въ этихъ замѣчаніяхъ нашего автора крупница истины перемѣшана съ весьма „наивнымъ“ заблужденіемъ. Конечно, нелѣпо думать, что философскія идеи не связаны съ „классовой“ подпочвой. Но рѣшительно неизвѣстно, почему на умозрительныхъ „высотахъ“ буржуазія „говоритъ не о чемъ иномъ, какъ о своихъ *ближайшихъ* классовыхъ выгодахъ и стремленіяхъ“. Что же мѣшаетъ умственнымъ представителямъ буржуазіи, забравшись на указанныя высоты, задуматься не только о ближайшихъ выгодахъ и стремленіяхъ своего класса, но также и о болѣе или менѣе *отдаленныхъ*? То правда, что задача изслѣдователя очень *упростится*, если онъ предположитъ, что философская мысль даннаго класса всегда выражаетъ лишь *ближайшій* интересъ

этого класса. Но простота—далеко не всегда достоинство. Мы сейчас увидим это на примѣрѣ самого г. Шулятикова.

Г. Шулятиковъ, считающій себя „философомъ марксизма“, полагаетъ „поэтому“ (т.-е., очевидно, потому, что философія выражаетъ *ближайшіе* интересы буржуазіи), что „вопросъ долженъ быть поставленъ рѣшительно“. Онъ говоритъ: „Не къ пердѣлкѣ деталей на подобнаго рода картинахъ должна свестись задача философа марксизма. Нельзя принимать эти картины за нѣчто такое, что можно было бы утилизировать и согласовать съ пролетарскимъ міровоззрѣніемъ. Это значило бы впадать въ оппортунизмъ, пытаться сочетать несочетаемое. Задача философа марксизма, на нашъ взглядъ, совершенно иная. Требуется, прежде чѣмъ заняться философскими построениями, произвести переоцѣнку философскихъ понятій и системъ, отправляясь отъ вышенамѣченной нами точки зрѣнія“ (стр. 7).

Нашъ „философъ марксизма“ намѣревается, какъ видите, совершить цѣлую революцію. Это похвально. Но извѣстно, что весь адъ вымощенъ добрыми намѣреніями. Посмотримъ же, какъ осуществляется похвальное намѣреніе г. В. Шулятикова.

Принимаясь за оцѣнку философскихъ цѣнностей, онъ замѣчаетъ, что въ данномъ отношеніи сдѣлано очень мало, хотя „первый, блестящій опытъ подобной переоцѣнки имѣлъ мѣсто еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ“. Говоря это, онъ имѣетъ въ виду статью г. А. Богданова „Авторитарное мышленіе“, помѣщенную въ сборникъ его статей „Изъ психологии общества“. Г. Шулятиковъ убѣжденъ, что названная статья открываетъ новую эру въ исторіи философіи. По его словамъ, „послѣ появленія этой статьи, спекулятивная философія потеряла право оперировать со своими двумя основными понятіями „духа“ и „тѣла“; было установлено, что послѣднія сложились на фонѣ авторитарныхъ отношеній, и антитеза между ними отразила социальную антитезу,—антитезу организующихъ „верховъ“ и исполнительскихъ „низовъ“. Съ изумительной послѣдовательностью буржуазная критика замалчивала работу русскаго марксиста...“ (та же стр.).

Мы сейчасъ увидимъ, какъ велико достоинство тѣхъ идей, которыя были почерпнуты нашимъ авторомъ въ „блестящей“ статьѣ г. Богданова. Но теперь мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе читателя вотъ на какое обстоятельство. По мнѣнію г. Шулятикова, статья г. А. Богданова лишила спекулятивную философію „права“ оперировать съ понятіями „духа и тѣла“. Допустимъ, что это, дѣйствительно, было сдѣлано ею. Но вѣдь Марксъ тоже „оперировалъ“ съ этими двумя понятіями. Безспорно,

онъ оперировалъ съ ними по-своему: онъ смотрѣлъ на нихъ съ точки зрѣнія *матеріалиста*; но все-таки — „оперировалъ“. Въ виду этого возникаетъ вопросъ: какая же судьба постигла материалистическую философію Маркса съ появленіемъ сокрушительной статьи г. Богданова? Лишилась ли и эта философія „права“ оперировать на свой материалистическій ладъ съ понятіями „духа“ и „тѣла“? Если—нѣтъ, то ясно, что статья г. Богданова совсѣмъ не открываетъ собою новой эры. Если—да, то не менѣе ясно, что „русскій марксистъ“, на котораго опирается нашъ авторъ, отличился въ философіи тѣмъ, что мимоходомъ ниспровергъ философію самого Маркса. Но марксистъ, философское дѣло котораго заключается въ ниспроверженіи философіи Маркса, есть марксистъ совершенно особаго рода: его марксизмъ заключается не въ томъ, что онъ *слѣдуетъ* за Марксомъ, а въ томъ, что онъ его *опровергаетъ*. И такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ: „русскій марксистъ“, вдохновившій г. Шулятикова, принадлежитъ къ послѣдователямъ того самаго Эрнста Маха, котораго онъ, г. Шулятиковъ, относитъ къ числу идеологовъ буржуазіи. (См. главу: „эмпириокритицизмъ“, стр. 132—147).

Теперь посмотримъ, чему научилъ г. В. Шулятикова этотъ странный *марксистъ*, слѣдующій за *буржуазнымъ* философомъ.

„Вождь—организаторъ и рядовой общинникъ—исполнитель его приказаній—такова первая социальная антитеза, которую знаетъ исторія. Вначалѣ она сводилась къ простой противоположности ролей. Съ теченіемъ времени она стала знаменовать нѣчто большее. Явилось экономическое неравенство: организаторы постепенно превратились въ собственниковъ орудій производства, принадлежавшихъ нѣкогда обществу. И параллельно съ этимъ, какъ отзвукъ совершавшагося общественнаго разслоенія, складывалось понятіе о духовномъ и тѣлесномъ началахъ, противостоящихъ другъ другу“ (стр. 11).

Прежде всего, совсѣмъ не вѣрно то, что первая социальная антитеза, какую знаетъ исторія, есть противоположность между вождемъ—организаторомъ и рядовымъ общинникомъ, исполняющимъ его приказанія. Первая социальная антитеза возникла, какъ противоположность между мужчиной и женщиной. Говоря это, я, разумѣется, имѣю въ виду не *физиологическое*, а *соціологическое* раздѣленіе труда между ними. Это раздѣленіе наложило свою печать на весь строй первобытнаго общества и на все его міросозерцаніе. Но не имъ вызвано представленіе о *духъ* или, точнѣе, о *душѣ*. Современная этнологія недурно выяснила генезисъ этого представленія. Всѣ новыя данныя этой науки подтверждаютъ

правильность выдвинутой Тэйлоромъ теоріи „анимизма“. Согласно этой теоріи, первобытный человѣкъ одушевляетъ всю природу, при чемъ душа,—присутствіемъ или отсутствіемъ которой объясняются всѣ явленія природы,—представляется ему какъ нѣчто, при обыкновенныхъ условіяхъ недоступное для его внѣшнихъ чувствъ. Смерть, сонъ и обморокъ относятся къ числу тѣхъ явленій, которыя наиболѣе способствовали возникновенію понятія о душѣ. Но сонъ, смерть и обморокъ обусловливаются не социальными противоположностями, а физиологической природой человѣка. Поэтому объяснять социальными противоположностями возникновеніе понятія о душѣ,—а слѣдовательно и о духѣ,—значитъ злоупотреблять тѣмъ методомъ, который сулитъ намъ чрезвычайно цѣнные открытія въ будущемъ, но употребленіе котораго въ дѣло предполагаетъ два непремѣнныхъ условія: во-первыхъ, извѣстную способность къ логическому мышленію; во-вторыхъ, знаніе фактовъ. Мы съ сожалѣніемъ должны признать, что оба эти условія блистаютъ своимъ отсутствіемъ въ трудѣ г. В. Шулятикова.

Мы только что видѣли, какъ плохо знаетъ онъ факты, относящіеся къ первобытной исторіи человѣчества; а его неуклюжія разсужденія о „невинности“ философіи показываютъ, какъ мало онъ способенъ къ логическому мышленію. Въ самомъ дѣлѣ, утверждать, что „всѣ безъ остатка философскіе термины“ служатъ для обозначенія общественныхъ классовъ, группъ, ячеекъ и ихъ взаимоотношеній, значитъ доводить чрезвычайно важный вопросъ до той простоты, которая можетъ быть характеризована эпитетомъ: „суздальская“. Этотъ эпитетъ обозначаетъ собою не какой-нибудь „общественный классъ“, не „группу“ и не „ячейку“, а просто огромную умственную дубоватость. Что раздѣленіе общества на классы имѣетъ рѣшающее вліяніе на ходъ его умственного развитія,—это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. И такъ же мало подлежитъ сомнѣнію то обстоятельство, что раздѣленіе общества на классы вызывается „въ послѣдней инстанціи“ (выраженіе Энгельса) его экономическимъ развитіемъ. Но одно дѣло—*вліяніе*, а другое дѣло—*непосредственное отраженіе*. Кромѣ того, сказать, что экономическое развитіе общества обусловливаетъ собою „въ послѣдней инстанціи“ всѣ остальные стороны его развитія, значитъ признать, — именно этими тремя словами: „въ послѣдней инстанціи“, —наличность *многихъ другихъ, промежуточныхъ „инстанцій“*, каждая изъ которыхъ вліяетъ на всѣ прочія. Такимъ образомъ получается, какъ видите, весьма сложная система силъ, при изслѣдованіи которой

„суздальская“ простота не может ничего дать, кромѣ самыхъ комичныхъ результатовъ. Мы уже видѣли у г. В. Шулятикова одинъ изъ образчиковъ этой „суздальской“ простоты. У него выходитъ такъ, что когда Кантъ писалъ о ноуменахъ и феноменахъ, то онъ не только имѣлъ въ виду различные общественные классы, но также,—по выраженію одной старухи-чиновницы Г. Успенскаго, — „норовилъ въ карманъ“ одного изъ этихъ классовъ, именно буржуазіи. Получается что-то вродѣ пасквиля на чело-вѣческую мысль, — такого пасквиля, который могъ бы вызвать много справедливаго негодованія, если бы не отличался глубо-чайшимъ комизмомъ.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ приводить другіе образчики. Ограничимся еще однимъ. Г. В. Шулятиковъ пишетъ:

„Міръ представляетъ у Авенариуса агломератъ централь-ныхъ нервныхъ системъ. „Матерія“ абсолютно лишена всякихъ „качествъ“, какъ „первичныхъ“, такъ „вторичныхъ“, нѣкогда считавшихся ея неотъемлемой принадлежностью. Рѣшительно все въ матеріи опредѣляется „духомъ“, или, по терминологіи автора „Критики чистаго опыта“, центральной нервной системой“ (стр. 144). Почему же такъ думаетъ Авенариусъ? А вотъ почему: „Современный капиталъ чрезвычайно „эластиченъ“: для него не существуетъ рабочихъ разъ на всегда опредѣленнаго типа, а существуютъ *сегодня* рабочіе известной профессіи и известной квалификаціи, *завтра*—другой профессіи и другой квалификаціи, сегодня Иваны, завтра Павлы или Яковы...“ Довольно! Это такъ хорошо, что у насъ возникаетъ вопросъ: не шутитъ ли г. В. Шулятиковъ? Можетъ быть, онъ пишетъ *пародію на марксизмъ*? Какъ пародія, его книга очень зла и даже талантлива, но, раз-зумѣется, совсѣмъ несправедлива.

Въ заключеніе замѣтимъ, что мы такъ и остаемся въ пол-нѣйшей неясности насчетъ того, „допускается“ ли въ средѣ со-знательнаго пролетаріата матеріалистическая философія Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

О книгѣ Л. Робинсона.

Л. Робинсонъ.—Историко-философскіе этюды.—Выпускъ первый.—Происхожденіе кантовскаго ученія объ антиноміяхъ.—Солицизмъ въ восемнадцатомъ столѣтіи¹⁾.

Въ настоящее время въ нашей литературѣ очень много пишутъ о философіи. Но отъ этого очень мало выигрываетъ наша литера-

¹⁾ „Современный Міръ“, июль, 1909.